

Глава 4

Бремя долгов

Весть о том, что Лэнс Кавендиш вернулся домой, облетела общину Гордон еще на рассвете.

Первой это обнаружила миссис Джонс, жившая по соседству.

— Вчера поздно вечером в его окнах зажегся свет. Кроме него, я и представить не могу никого, кто осмелился бы переступить порог этого дома, — жаловалась она другим домохозяйкам, потирая темные круги под глазами. — И как только Бюро позволило ему вернуться? Я-то была уверена, что он там и сгинет!

«Милосердный Господь, — сокрушалась женщина про себя, — ну почему этот безжалостный сектант — мой жилец и сосед?!»

— Вот уж диво, — вторила ей другая домохозяйка, качая головой. — Тех, кого забирает Инквизиция, либо казнят, либо запирают пожизненно. Первый раз слышу, чтобы кого-то отпустили.

— Может, он и впрямь ни в чем не виноват? — робко предположил кто-то.

Но женщину тут же оборвали:

— Быть не может! Разве в газетах станут врать?

Газеты. Именно они висели тяжелой тучей над всеми обитателями общины Гордон.

Еще неделю назад это был тихий и благопристойный район для среднего класса. Здесь жили адвокаты, врачи, государственные служащие и коммерсанты — словом, почтенные люди, привыкшие к размеренному быту.

Пять дней назад покой был нарушен. Сначала рыцари Бюро выломали дверь и арестовали Лэнса, а на третий день об этом раструбила вся пресса.

Теперь каждый в городе знал: в общине Гордон жила некая Мэри, сектантка, практикующая человеческие жертвоприношения, а ее единственный сын за гнусные преступления вот-вот взойдет на эшафот. В район хлынули толпы репортеров, лишая жителей покоя и выставя всё сообщество в дурном свете. Миссис Джонс и ее подруги были на грани нервного срыва.

— Миссис Джонс, вы ведь его домовладелица? Выставьте негодяя вон как можно скорее.

Хозяйка дома задумчиво кивнула.

В это время Линь Уцзю внимательно изучал свое отражение в зеркале.

На него смотрело совершенно незнакомое лицо. Высокая переносица и глубоко посаженные глаза в сочетании с черными волосами делали его похожим на римлянина из легенд, но в чертах сквозила меланхолия, свойственная скорее древнегреческим философам.

Мертвенная бледность, тяжелые тени под глазами и синеватый оттенок губ — всё указывало на то, что здоровье юноши подорвано. Он приподнял уголки рта, придирчиво оценивая свою улыбку, и, лишь добившись идеального изгиба, удовлетворенно кивнул.

Мама всегда говорила: улыбчивым людям везет чуть больше. Поэтому он тренировался каждый день.

Юноша отложил зеркало и взял Чёрное перо. Пора было приступать к главной задаче — работе над рукописью.

Он проснулся в пять утра. Отчасти виной тому был больничный режим, ставший привычкой, но в основном — нищета. В каком-то смысле голод и пустота в кошельке разбудили его раньше солнца.

Вернувшись вчера вечером, он застал в доме полный разгром, словно здесь пронесся ураган. У Бюро по расследованию ереси не было благородной традиции беречь имущество граждан. Закон гласил: имущество еретиков подлежит конфискации. Поэтому рыцари даже не утруждали себя формальностями, грабя открыто и с полным осознанием своей правоты.

После их визита из дома исчезло всё мало-мальски ценное. Инквизиторы добрались даже до его скромной записки, спрятанной в двойном дне ящика. К счастью, Линь Уцзю всегда следовал правилу «не класть все яйца в одну корзину». Взломав одну из половиц, он извлек на свет свое последнее достояние — два фунта.

Стоило подробнее изучить денежную систему и покупательную способность в Империи Лайт. Она была не просто похожа на британскую — она копировала её до мелочей.

Один фунт равнялся двадцати шиллингам, или двумстам сорока пенсам. Существовали также гинеи, соверены, кроны и флорины. К примеру, одна гиней составляла один фунт и один шиллинг, а соверен был монетой достоинством в двадцать шиллингов.

В итоге он пришел к однозначному выводу: Империя Лайт была иным миром, но с отчетливым британским привкусом.

Итак, что можно купить на два фунта? Стандартная четырехфунтовая буханка хлеба стоила восемь с половиной пенсов. Значит, его капитала хватило бы примерно на пятьдесят шесть таких буханок.

Средний годовой доход обычного рабочего в городе составлял около сорока пяти фунтов — это семнадцать-восемнадцать шиллингов в неделю, сумма, на которую могла прожить семья. Одинокий холостяк, имея тридцать фунтов в год, и вовсе мог чувствовать себя вполне вольготно.

Двух фунтов Лэнса при крайней экономии хватило бы на месяц или два.

Почему же он не спрятал больше? Ответ был прост: он был беден. И даже эти крохи дались ему с огромным трудом.

Мать прежнего владельца тела, миссис Мэри, была вдовой и жила на наследство мужа и собственное приданое. При разумном подходе денег должно было хватать, но у женщины появилось пагубное увлечение — оккультные культы.

Религия — дело затратное, а запретные учения и вовсе пожирают средства без остатка. К тому моменту, как Линь Уцзю стал Лэнсом Кавендишем, Мэри успела наделать долгов и дойти до полной нищеты. Самое нелепее заключалось в том, что даже на краю пропасти она отчаянно цеплялась за статус среднего класса.

Ради поддержания приличий она продолжала арендовать «роскошный особняк» за сорок фунтов в год, держать горничную с жалованьем в девять фунтов и ежемесячно нанимать садовника.

Болея долго и понимая, что конец близок, мать Лэнса распорядилась устроить свои похороны с вызывающей роскошью. Гроб на заказ, обмывание, облачение, грим для покойной, траурные одежды для провожающих, оплата носильщиков, поминальный пир и гонорар священнику — всё это вылилось в тридцать фунтов, не считая платы за место на кладбище.

Мэри, которой уже было нечего терять, просто взяла очередной крупный заем в банке. Теперь она была мертва, оставив сыну в наследство долги, которые, по самым скромным подсчетам, составляли триста фунтов.

Триста фунтов — это годовой доход главы семейства из среднего класса. До конца срока аренды дома оставалось всего полмесяца. Линь Уцзю обязан был получить первый гонорар до того, как его выставят за порог, иначе его ждала участь бродяги.

Юноша писал некоторое время, затем отложил перо и потер переносицу.

— Джек, нам нужно поговорить.

Демон в облике мальчика расправил крылья и завис над письменным столом. Его золотистые вертикальные зрачки смотрели на собеседника свысока.

— О чем?

— Видишь ли, я до сих пор не знаю, кто ты на самом деле. Твое прошлое для меня — тайна, — Линь Уцзю развел руками. — Как мне выстраивать сюжет, если я не понимаю своего героя?

В романе он сделал Джека малолетним рабочим, основываясь лишь на его одежде и возрасте. О самом демоне он не знал почти ничего.

Мальчик некоторое время пристально смотрел на него, а затем его лицо исказилось в странной усмешке.

— Ха! Кто я? Хороший вопрос.

Он раскинул руки и закружился в воздухе, заговорив живым, почти радостным голосом:

— Я — Джек. Я — Лина. Я — Эмма и Том... Я — обида и ярость тысяч и тысяч детей, замученных до смерти на фабриках и в шахтах по всему миру. Я — дьявол!

Линь Уцзю невольно улыбнулся. Уголки его губ азартно приподнялись.

«Какая безупречная ирония, — подумал он. — Истинный чёрный юмор»

Мэри, одержимая идеей воскрешения, убила собственного сына ради эксперимента, но вместо него призвала мстительный дух, сотканный из мук таких же обездоленных детей. Можно сказать, она получила по заслугам. Жаль только, что она так и не узнала: ее «воскресший» сын не имел к демону никакого отношения.

— И что же ты хочешь совершить на страницах моей книги? — с интересом спросил автор.

— Убивать! Крушить! Я жажду насилия и крови! — воскликнул Джек. — Я хочу, чтобы одно мое имя заставляло мир содрогаться!

Юноша на мгновение задумался.

— Будем считать, что ты жаждешь революции.

— Революции? — Демон с недоумением повторил незнакомое слово. — Что это такое?

Линь Уцзю повертел в пальцах Чёрное перо и мягко улыбнулся:

— Это то, что идеально соответствует твоим запросам.

Отлично. Вдохновение захлестнуло его с головой.

Мальчик с жадностью наблюдал за темноволосым юношей, склонившимся над столом.

Он отчетливо видел, что под этой хрупкой, почти прозрачной оболочкой скрывается душа невероятной чистоты и яркости. За долгие годы скитаний среди людей демон не встречал ничего подобного. Это была душа творца высшего порядка — редчайший деликатес, о котором в кругах демонов ходят легенды. За такой трофеей многие его собратья готовы были бы перегрызть друг другу глотки.

«Как заставить его продать свою душу?»

Внезапно дьявол шевельнул крыльями. Его взгляд приковало Чёрное перо в руке юноши.

Оно было странным. Неизвестно, какой птице оно принадлежало, но оно было угольно-черным, без единого изъяна, и под определенным углом отливало холодным блеском металла. Самое поразительное — Лэнс не макал его в чернильницу. Темно-золотой кончик оставлял на бумаге безупречные, изящные линии, не зная клякс и задержек.

Тот не выдержал:

— Твоё перо... Кажется, чернила ему не нужны?

Линь Уцзю, не прерывая работы, рассеянно бросил:

— Удивительная вещь, правда? Видимо, Мэри всё же оставила мне что-то стоящее.

— Ха! — Собеседник насмешливо оскалился. — Ты что, идиот? Использовать магический предмет неизвестного происхождения — верный способ закончить жизнь раньше срока.

— О? — Юноша оставался невозмутим. — И ты позволишь мне умереть?

Демон на мгновение осекся, а затем холодно процедил:

— Ты, кажется, забыл, что я — демон.

Он хищно облизнул губы и понизил голос до угрожающего шепота:

— Мне достаточно наложить на это перо магический контракт. Как только ты поставишь под рукописью свое истинное имя, твоя душа станет моей. Поверь, я устрою тебе нечто похуже смерти.

Однако реакция юноши его разочаровала. Линь Уцзю даже не взглянул на него, продолжая писать.

— О, какой ты молодец, — бросил он тоном, которым обычно отмахиваются от назойливой мухи.

Демон в ярости исчез в воздухе.

Линь Уцзю прекрасно понимал, что с пером что-то не так. Но он не собирался сопротивляться его магии. Просто не мог. С того момента, как он взял его в руки, оно стало словно продолжением его собственного тела. Расстаться с ним было всё равно что лишиться рук или ног.

Что же касается контракта с дьяволом... Это его не пугало. Лэнс Кавендиш — вовсе не его истинное имя.

Слова Джека навели его на любопытную мысль.

— Значит, вы, демоны, вроде подрядчиков, — пробормотал Линь Уцзю, откладывая перо. — Я-то думал, вы забираете души по своей воле, а вам, оказывается, нужно согласие заказчика? Как же это... жалко.

Оскорбленный в лучших чувствах Джек не преминул разбить пять ваз в доме в знак протеста. После этого он перестал откликаться на свое имя.

Линь Уцзю лишь пожал плечами. Какой обидчивый.

«Может, стоит купить ему сладостей, чтобы задобрить? Нет, сейчас мне самому не мешало бы найти способ не протянуть ноги от голода»

Джек — древнее существо, как-нибудь справится сам.

Юноша полностью погрузился в творчество. Он писал весь день. Результат был впечатляющим — более десяти тысяч слов. Теперь у него в запасе было уже около тридцати тысяч слов «Мести Джека». Когда он наконец отложил перо, пальцы его застыли в скрюченном положении, а суставы при движении издавали сухой хруст.

За окном давно стемнело. Судя по выкрикам патрульного полицейского, было около семи вечера. Линь Уцзю поднялся, прижимая руку к ноющему от голода желудку. Перед глазами на мгновение поплыли пятна, в животе кольнуло — вновь потревожив рану. Он тяжело оперся о стол, тихо и прерывисто вздохнув, пережидая приступ головокружения.

Стоило ему увлечься, как мир вокруг переставал существовать. Он и не заметил, что пропустил и завтрак, и обед.

«Сколько еще продержится это тело?»

Он выудил из ящика несколько пенни, намереваясь дойти до лавки и купить хотя бы черствого хлеба. В этот момент в дверь постучали.

— Мистер Лэнс Кавендиш, вы дома? Мой хозяин, мистер Джонс, желает вас видеть.

Супруги Джонс, его домовладельцы, жили по соседству. Линь Уцзю помнил их на похоронах матери. Он не спеша открыл дверь. За калиткой сада стояли двое — джентльмен и его слуга.

Мистер Ричард Джонс был живым воплощением британского достоинства: строгий взгляд голубых глаз за стеклами очков в золотой оправе, безупречный черный костюм и коричневая фетровая шляпа. Линь Уцзю помнил, что тот был преуспевающим адвокатом.

— Добрый вечер, мистер Джонс. Чем обязан? — вежливо спросил юноша.

— Простите за столь поздний и незапланированный визит, мистер Кавендиш, — столь же учтиво отозвался адвокат. — Но у меня есть важное известие.

Линь Уцзю вспомнил о правилах гостеприимства.

— Проходите. Я заварю чай.

Впрочем, он тут же засомневался, остался ли в доме чай. Раньше всем хозяйством занималась горничная, но после смерти матери он ее уволил в целях экономии. Теперь он был в доме совсем один и понятия не имел, как принимать гостей.

— Благодарю, не стоит. Я скажу прямо здесь, — мистер Джонс бросил косой взгляд на пустые комнаты за спиной Лэнса и нервно откашлялся. — Мистер Кавендиш, я вынужден с

прискорбием сообщить, что вам надлежит освободить этот дом не позднее завтрашнего дня.

Линь Уцзю удивленно приподнял бровь:

— Насколько я помню контракт, срок истекает лишь в конце месяца?

— Контракт также гласит, — ледяным тоном отрезал адвокат, — что арендатор обязан воздерживаться от любых действий, нарушающих закон и общественный порядок. В противном случае владелец имеет право расторгнуть договор в одностороннем порядке.

Линь Уцзю не сводил с него спокойного взгляда.

— Но я не нарушал закон. Тот факт, что Инквизиция отпустила меня — лучшее тому доказательство. Если сомневаетесь, можете спросить прокурора Энтони, он подтвердит мою невиновность.

— В этом нет нужды. Вы видели газеты? Весь город гудит! — голос Джонса сорвался на гнев. — Вы хоть представляете, сколько репортеров ошивалось здесь днем? Ваше присутствие здесь позорит мой дом и наносит непоправимый вред репутации всей общины!

— Уходите. Завтра же!

<http://bllate.org/book/15857/1432172>